

КОГДА ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ РАЗРЫВАЮТ НА ЧАСТИ

НИКОЛАЙ СВЕЧИН ДЕНИС НИЖЕГОРОДЦЕВ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Свечин, Николай.

С24 Пуля времени / Николай Свечин, Денис Нижегородцев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Выстрел в прошлое. Исторические детективы Свечина о путешествии во времени).

ISBN 978-5-04-193108-7

Захватывающий детектив от Николая Свечина и Дениса Нижегородцева о попаданцах в Москву 1912 года...

Что это была за пуля — пусть разбираются ученые. Но факт остается фактом. Капитану полиции Юрию Бурлаку во время захвата лихой московской банды кто-то выстрелил в голову, в упор. И словно черная шторка закрылась в сознании полицейского, беспамятство и тьма...

Очнулся он не только в далеком прошлом (как потом выяснилось — в 1912 году), но и в чужом теле. Ладно бы в теле богатого кушца, художника или композитора. Но ведь в теле отпетого бандита по прозвищу Жора-Гимназист! Как за всяким уважающим себя разбойником, за Жорой тянулся густой шлейф пакостных дел. Добрая дюжина «доброжелателей» начала охоту за честным капитаном полиции, чтобы отправить его к праотцам. Но самый ужас начинается после того, как Юрий Бурлак узнает, что он в Москве отнюдь не единственный «гость из будущего» и для возвращения назад придется отдать самое дорогое...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2023
© Нижегородцев Д., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо, 2024»

ISBN 978-5-04-193108-7

ГЛАВА 1

XX ВЕК НАЧИНАЕТСЯ

• 1 •

Москва начала XX века — отнюдь не Москва XXI. Те же Неглинная, Петровка, Лубянка и Маросейка. Только вместо чуда техники с надписью «Это электробус», вездесущих доставщиков «Яндекс Еды» и уткнувшихся в айфоны таргетологов и продакт-менеджеров — неспешно прогуливавшиеся господа в сюртуках и котелках, дамы в длинных платьях и шляпках с диковинными перьями, застегнутые на все пуговицы гимназисты да бородатые извозчики на облучке. До легендарных московских пробок еще далеко. А телефонов в руках не было вовсе. Их заменяли веера, мундштуки, пенсне, монокли и риди-кюли.

Впрочем, смотря где. Всего в паре километров от Кремля город вдруг начинал поворачиваться к вам своей изнанкой. Вместо статских советников, иностранных атташе, фабрикантов-миллионеров и пре-хорошеньких барышень, осаждавших Московский художественный театр, — провинциальный сброд, красноносые дворники, девицы с невысокой социаль-

ной ответственностью, босяки, карманники, шулера и аферисты.

Это через сто лет здесь все снесут и построят современный торговый комплекс из стекла и бетона. А пока там были трущобы, городское дно, филиал ада, логово разврата и уличной преступности. Это Трубная площадь. В просторечии — Труба.

Московский городской — пузатый глава большого семейства — лениво продирался сквозь толпу. Ему бы за порядком следить. Но флегматичный воин пришел на Трубу не за этим. А чтобы посмотреть знаменитые петушинные бои на птичьем рынке. И самому сделать ставку.

Те же преступники и аферисты, которых он достаточно перевидал на своем веку, держали птиц. Держали в буквальном смысле: один — одного бойцового петуха, другой — другого. Бойцы кудахтали. Торговки причитали. Мужики требовали крови.

— На раз — два — три... И раз — и два — и три! — скомандовал щуплый деляга невысокого ранга. И еле успел отбежать, прежде чем его попытались затоптать десятки пар сапог.

Раззадоренные окружающими петухи с яростью набросились друг на друга. Во все стороны полетели перья. С мостовой вознеслись вверх облака пыли. А дальше — первая кровь. Первый вырванный клочок мяса. Первый выклеванный глаз. Первая предсмертная судорога. Первая жертва сегодняшнего боя. Впереди их будет еще много.

Петух из левого угла Трубной площади одолел коллегу из правого. Поэтому справа царило уныние. Слева — наоборот — ажиотаж. Кто-то обогатился,

а кто-то и проиграл последнее. Но щуплый распорядитель уже принимал прогнозы на следующий бой. И повышал ставки.

— Давай-давай, не скупись! Всего пять рублей. Ужо не три, а пять. А пять рублей превращаются в... семь с полтиной! В случае выигрыша. А два раза по семь с полтиной — ужо пятнадцать! Справите жинкам и сапоги, и шубку, отдадите долги, и еще останется. Пять рублей! Только пять рублей!

Его крик заглушил протяжный гудок со стороны Петровского бульвара. Толпа расступилась перед «Руссо-Балтом» — лицом отечественного автопрома тех лет. Двигатель — почти 30 лошадиных сил, разгон — до 75 километров. Правда, по правилам 1900 года, разрешенная скорость в городе — не больше 12 верст, или 13 километров в час. Медленнее, чем даже на извозчике. Но все равно весомо. Ведь на всю Москву тогда было не больше тысячи автомобилей.

— Ишь, разъездился! Ишь, пыль поднял! — негодовали бабы с рынка.

«Когда-нибудь и себе куплю такую», — подумал городской и еще немного ослабил ремень на животе.

После первого петушиного боя он остался в выигрыше. И уже отсчитывал следующую пятирублевую ассигнацию. На лице полицейского сияла блаженная улыбка. Он любил свою работу.

А со стороны Рождественки уже приближалось еще одно чудо начала прошлого века — электрический трамвай. Совсем недавно он пришел на смену конке — вагону, который тащила вперед пара лошадей.

Правда, до выделенных линий было еще далеко. Толпа расступилась перед трамваем лишь в последний момент. А с его подножки, не дожидаясь остановки, уже соскочил шустрый тип в неприметной серой фуражке.

— Караул! Обокрали! — заорала на весь рынок торговка.

За руки она держала своих детей разного пола и возраста. Дети плакали. Мать причитала, взывая к царю, Богу и всему православному люду.

После чего и городской нехотя засвистел. И побежал было за вором. Однако лишний вес и планы, в которые погоня входила меньше всего, не позволили догнать злодея и свершить правосудие. Уже через несколько шагов гроза преступного мира замедлился, а потом и вовсе встал, пытаясь отдышаться.

В то время как ушлый тип в кепке свернул шею украденной птице. Ловко запрыгнул на подножку отъезжающего трамвая. И с добычей в руках покинул место преступления.

• 2 •

Ветер из окна переворачивает страницу... Уже в наше время, в XXI веке, на подлокотнике лежит потрепанное издание «Москва и москвичи» Владимира Гиляровского. А на расстоянии вытянутой руки от книги, на миниатюрном диване — свернувшийся в позу эмбриона уставший опер после смены.

Позвольте представить — Юрий Владимирович Бурлак, старший оперуполномоченный уголовного розыска УВД Центрального административного округа ГУ МВД России по городу Москве, капитан полиции. Слегка растрепанный и немного заросший, еще не старый, но уже опытный. И даже матерый. Прежде чем такого разбудить, несколько раз подумаешь.

— Ради бога, извините! — На плечо Бурлака ложится женская рука.

Полицейский мгновенно садится и только затем открывает глаза. А потом еще пару секунд пребывает в прострации. Словно не понимая, кто он, где он, какой нынче год и что от него вообще хотят.

— Еще раз, ради бога, извините, — перед ним стоит молодая женщина в белом халате и виновато улыбается, — но вы просили вас разбудить, когда это... когда все разрешится.

Опер выпрямляет спину. И быстро берет себя в руки. На смену секундной слабости приходит четкий взгляд по-военному уверенного человека.

Перед ним стоит миловидная медсестра, а за ее плечами простирается длинный больничный коридор. Привычка все подмечать заставляет его мысленно сфотографировать помещение. Пересчитать по головам еще троих медицинских работников и количество кабинетов по обеим сторонам коридора — шесть справа и пять слева.

Одновременно капитан обращается в слух. Теперь отчетливо слышны крики рожениц за стенами и призывы тужиться. Профиль учреждения, в кото-

ром он проснулся, не оставляет сомнений — это родильный дом.

— Продолжайте, — командует он, как будто проводит летучку в офисе, а девушка выступает с традиционным докладом о текущих показателях.

— Эээ... Вы ведь... не муж... — она заглядывает в папку, которую держит в руках, — Рогинской Светланы Анатольевны?..

— Не муж, — соглашается Бурлак, — лучший друг мужа, коллега, напарник, родная душа. Мне можно говорить все, что вы могли бы сказать Петру. Петр находится на специальном задании особой государственной важности. А я по мере сил прикрываю его здесь...

— Девочка, — вдруг выпаливает медсестра.

— Хм?

— У вашего друга родилась дочь! Девочка! Сказать рост и вес?

На секунду даже на усталое лицо Бурлака падает тень сентиментальности. Но он не оставляет ей никаких шансов. Оперативник резко встает, на ходу набирает на мобильном номер и отворачивается к окну.

— Алло, Петя, ну, поздравляю, да, родила... Большое дело... Не знаю... Сейчас спрошу.

Бурлак снова оборачивается к медсестре, которая уже успела немного полюбоваться его спортивной фигурой.

— Диктуйте... — требует он.

— А-а... Э-э... Рост пятьдесят три сантиметра. Вес три килограмма шестьсот граммов.

— Имя, — непонятно, к кому он обращается: то ли к собеседнику на другом конце провода, то ли к себе-самому напротив.

— Я не знаю... Родители должны знать... — Медсестра в замешательстве.

— Марина, — ничуть не смутившись, заявляет Бурлак. Вероятно, имя «подсказал» ему Петр. — Называйте ее Мариной.

— Хорошо, пусть будет Марина, — соглашается медсестра.

— И это... — Бурлак перекладывает телефон от одного уха к другому, — чтобы у Марины и Светы все здесь было по самому высшему уровню. Понятно? Я прослежу.

Медсестра кивает. А Бурлак продолжает разговор с Петром:

— Как у тебя дела там, брат? Норма? Ну, давай, схожу к Светке, отзвонюсь еще. Конец связи.

Опер заканчивает разговор и останавливает взгляд на медсестре. Настолько колючий и прямолинейный, что бедная девушка в буквальном смысле не находит себе места и, схватившись руками за лицо, убегает вдаль по коридору.

Бурлак задумчиво смотрит ей вслед. Нет, никаких особенных чувств в его профдеформированной душе она не всколыхнула. Подобрал с подлокотника потрепанный временем томик Гиляровского, он тоже удаляется по коридору.

● 3 ●

Света еще слаба. Едва хватает сил, чтобы улыбнуться — опять этот со своим Гиляровским...

Бурлак сидит на стуле у ее кровати. Такой же самоуверенный, как и прежде. Но молчаливый — все

таки он не знает, что в таких ситуациях принято говорить.

— Хоть бы цветов принес, что ли, — не без нежности в голосе «отчитывает» друга мужа новоиспеченная мать.

— Да, не подумал, — соглашается Юра. — Позже все сделаю.

— Хорошо-хорошо, я не в претензии... Маришка такая замечательная... Такая... ни на кого не похожая... Ты бы видел...

— Увижу еще. — Опер инстинктивно начинает вертеть книгу в руках.

— Эх... Ладно... Иди уже! Я и так тебя отрываю от важных дел.

— Не отрываешь. Что Петру передать?

Света задумывается. По лицу впервые проскальзывает легкая тень недовольства. Но женщина усилием воли разглаживает «морщинку».

— Что Петру передать? Передай, что мы ждем его здесь. Желательно с цветами. Хотя и без цветов пусть тоже приходит.

— Хорошо. Спасибо. — Юра поднимается и хочет уйти.

— Тебе спасибо!

Бурлак оборачивается. В глазах Светы стоят слезы. Она протягивает к нему руки:

— Иди сюда, дай я тебя хоть обниму напоследок!

Бурлак поддается. Хотя книга между ним и Светой мешает чересчур близкому сближению. Женщина улыбается сквозь слезы:

— Пока.

— Пока!

Опер уходит. А несколько женщин, которые все это время присутствовали в палате, начинают за глаза обсуждать гостя. Как не повезло Свете с мужем. И как мужу Светы повезло с другом...

● 4 ●

Бурлак уже в одиночестве сидит посреди шести-метровой кухни. Обстановка давно требует ремонта. На мускулистых плечах хозяина — порванная майка чуть ли не прошлого века. Фоном старый телевизор сообщает последние известия.

Оборотень в погонах прятал в своей квартире несколько сотен миллионов рублей. Лихач на дорогой иномарке превысил скорость в несколько раз и в буквальном смысле взлетел, не заметив на дороге лежачего полицейского. Телефонные мошенники случайно дозвонились до настоящего оперативника...

Капитан доедает подгоревшую яичницу с выдвинутой сковородки, к гадалке не ходи — готовил себе сам. Пока жена за стенкой принимала душ.

А на столе, поверх книги, вибрирует телефон. Старой модели, почти кнопочный. Бросив взгляд на экран, Бурлак подносит мобильник к уху.

— Привет, ма... Да. Как обычно... Я всегда на работе. Ты же знаешь. Случилось что-то? Так я вроде на той неделе все поменял. Опять сломалась? Ну, за-

втра-послезавтра, не раньше... Две из трех-то горят? Ну, вот видишь. Нет, давай не сегодня. На «серьезно поговорить» нужно время. Все, давай. Спокойной ночи. Сладких снов.

Бурлак заканчивает разговор и снова приступает к яичнице.

Вот только в дверях появляется Оксана. В махровом халате и с намотанным на голову полотенцем. Классическая сцена с недовольной женой. Как во многих фильмах, да и книгах.

— Я тут уже полминуты стою.

Бурлак поднимает глаза на жену.

— И?

— На Петю у тебя время есть, на меня нет.

— Ты не права. Вот я дома. И готов...

— Сейчас опять куда-то убежишь, — перебивает женщина. — Знаем, плавали...

Бурлак хочет что-то сказать. Но снова вибрирует телефон. И движением, доведенным до автоматизма, опер подносит трубку к уху.

— Да, Валентин Сергеич... Не занят... Не сплю... Думал, Петр там... Понял. Выезжаю.

Точным броском Бурлак отправляет сковородку в мойку. На ходу стаскивает с себя старомодную майку. И уверенной поступью проходит мимо жены. Еще немного — и наденет на себя костюм супергероя, чтобы освободить город от скверны.

— Срочное задание. Может, до утра, — слышится уже из коридора.

Руки в боки. Оксана серьезно обижена.

А Бурлак оперативно завершает сборы и хлопает за собой дверь.

Капитан уже на подземной парковке. Вокруг — много знакомых лиц, оперативников из родного управления. Полковник МВД Валентин Сергеевич Кукуян имел раздражающую привычку не просто жестиковать во время разговора, но размахивать пальцами непосредственно перед лицом собеседника, едва не касаясь кончика его носа. Но Юра — третий калач. Он слушает начальника не моргая.

— Слушай сюда, Бурлаков, — за семь лет совместной работы Кукуян так и не выучил, как зовут оперативника, — вы давайте не будете больше меня так подставлять, а? Я тебе описать не могу, каких пиз... ей получил сейчас на ковре у начальника ГУ МВД. Еще раз повторите такое, я не только эти ваши шашечки, эти ваши звездочки с погон сниму, я вам обоим их в ж...у засуну. Понял меня, бл...?

Бурлак молчит. Но в данном случае молчание — знак согласия.

Выпустив пар, полковник отходит на несколько метров, но сразу возвращается:

— А этот где? Рогинский? Петр? Почему его здесь нет? Да вы нас всех под монастырь подведете! — Кукуян снова заводится, как самозаводящийся механизм. — Какого лешего ты здесь, а его здесь нет? Да я, сука, уволю его, как только увижу! Так ему и передай! Пусть идет лесом к чертовой матери... Развели, бл..., демократию! Что ты мне тут глаза делаешь? Что смотришь на меня? А ну пошел работать! Иди, исправляй положение!

— Есть.